

СЬЮЗЕН ЭЛИЗАБЕТ
ФИЛЛИПС

Герои — моя слабость

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф53

Серия «Волшебство любви Сьюзен Филлипс»

Susan Elizabeth Phillips
HEROES ARE MY WEAKNESS

Перевод с английского *В.И. Агаянц*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Филлипс, Сьюзен Элизабет.

Ф53 Герои — моя слабость : [роман] / Сьюзен Элизабет Филлипс ; [пер. с англ. В. И. Агаянц]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (Волшебство любви Сьюзен Филлипс).

ISBN 978-5-17-088845-0

Когда-то, много лет назад, Тео предал Энни и разбил ей сердце — такое невозможно ни простить, ни забыть. Но спустя много лет судьба свела их снова...

Что может быть общего у ожесточившегося, циничного писателя, живущего в добровольном затворничестве на острове у берегов штата Мэн, — и несостоявшейся актрисы, брошенной в эту глушь волей случая? Возможно, одиночество? Или по-прежнему тлеющие искорки так и не угасшей до конца любви, которая еще согреет их в долгую, холодную, снежную зиму?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Susan Elizabeth Phillips, 2014
© Перевод. В.И. Агаянц, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-088845-0

Глава 1

Обычно Энни не разговаривала с чемоданами, но в последние дни с ней творилось что-то неладное. Свет фар едва пробивался сквозь непроглядную снежную круговерть, а дворники на лобовом стекле старенькой «КИА» сдались под свирепым натиском бури, обрушившейся на остров.

— Подумаешь, легкий снежок, ничего особенного, — утешила Энни огромный красный чемодан, с трудом втиснутый на пассажирское сиденье. — Тебе может показаться, что настал конец света, но это еще не значит, что так оно и есть.

«Ты же знаешь, я терпеть не могу холод, — захныкал чемодан, словно плаксивый ребенок, привыкший капризно топтать ножкой, чтобы добиться своего. — Как ты могла привезти меня в это жуткое место?»

Просто у Энни не было иного выбора.

Порыв ледяного ветра едва не опрокинул автомобиль. Заснеженные ветви старых елей, нависавшие над грунтовой дорогой, хлестали по стеклам, словно седые космы ведьмы. Те, кто представлял себе ад в виде чудовищной огненной печи, ошибались, мрачно заключила Энни. Настоящий ад здесь, в этой унылой ледяной пустыне.

«Ты что, никогда не слышала о Майами-Бич? — заныла Пышка, изнеженная принцесса, спрятанная в чемодане. — И зачем только ты притащила меня на этот богом забытый пустынный остров посреди Северной Атлантики, где нас непременно слопают белые медведи?»

Мотор жалобно подвывал, пока машина ползла сквозь пургу по узкой скользкой дороге. У Энни раскалывалась голова, от кашля болели ребра. Приходилось вытягивать шею, вглядываясь в чистую проплешину на залепленном снегом ветровом стекле, но даже это легкое усилие вызывало головокружение. Одна-одинешенька на всем белом свете, если

не считать «говорящих» кукол, чьи голоса помогали ей не потерять последнюю связь с реальностью. Поймав себя на этой мысли, Энни горько усмехнулась, несмотря на тошноту и головную боль.

И тотчас в голове ее зазвучал увещевающий голос приятельницы Пышки, деловитой Милашки, лежавшей в пузатом чемодане на заднем сиденье.

«Мы вовсе не посреди Северной Атлантики, — возразила Милашка, всегда отличавшаяся завидным здравомыслием. — Мы на одном из островов в десяти милях от побережья Новой Англии, и, насколько мне известно, в штате Мэн белые медведи не водятся. А кроме того, Перегрин-Айленд пустыней не назовешь».

«Какая разница. — Будь Пышка на руке у Энни, она капризно задрала бы свой крошечный носик. — Здесь и летом не выживешь, не то что зимой. Готова поспорить, местные жители поедают друг дружку, да и мертвечиной не брезгают».

Машину слегка занесло, Энни сумела ее выровнять, крепче вцепившись в руль обеими руками в перчатках. Обогреть дышал на ладан, но Энни почувствовала, что покрывается потом под курткой.

«Тебе грех жаловаться, Пышка, — миролюбиво проговорила Милашка, пытаясь урезонить сварливую подружку. — Перегрин-Айленд — модный летний курорт».

«Но на дворе отнюдь не лето! — фыркнула Пышка. — Сейчас начало февраля, в это время года на острове и полусотни человек не наберется. Ничтожная горсточка болванов».

«Ты ведь знаешь, Энни выбирать не приходилось», — укоризненно заметила Милашка.

«Потому что она жалкая неудачница», — раздался презрительный мужской голос.

Лео имел скверную привычку бесцеремонно влезать в мысли Энни и вытаскивать на свет божий ее самые потаенные страхи. Энни его недолюбливала, но ни одна хорошая история не обходится без злодея.

«Как жестоко, Лео, — огорченно вздохнула Милашка. — Даже если это правда».

Вечно брюзжащая Пышка все не унималась.

«Ты же главная героиня, Милашка, для тебя всегда все заканчивается прекрасно. Другое дело мы. Нам ничего хорошего не светит. Мы обречены! Нас ждет неминуемая гибель! Мы навсегда...»

Энни закашлялась, оборвав истеричную тираду куклы. Она знала: рано или поздно тело ее исцелится от затянувшейся пневмонии (по крайней мере, Энни на это надеялась), но как насчет всего остального? Она потеряла веру в себя, утратила ощущение, что в тридцать три года жизнь только начинается и самое интересное еще впереди. Энни чувствовала себя слабой и опустошенной, вдобавок ее терзал страх. Не лучшее состояние духа, когда тебе предстоит провести два месяца на уединенном острове в штате Мэн.

«Всего лишь шестьдесят дней, — попыталась утешить ее Милашка. — А кроме того, Энни, тебе ведь больше некуда податься».

Верно. В этом и заключалась омерзительная правда. Энни некуда было идти. И нечем заняться, кроме как отправиться на поиски наследства, которое, возможно, оставила ей мать. А может, и не оставила.

Колесо угодило в запорошенную снегом рытвину, машина дернулась, и ремень резко натянулся, врезавшись в плечо. Энни снова закашлялась. Если бы можно было остаться на ночь в городке... но единственная гостиница на острове стояла закрытой до самого мая. Впрочем, все равно ночевка в гостинице была ей не по карману.

Старенький автомобиль с натугой вскарабкался на холм. Энни на первый год выступала со своими куклами, ей доводилось садиться за руль в любую непогоду, но даже опытному водителю-профессионалу, привыкшему к заснеженным трассам, пришлось бы нелегко на этой заледенелой дороге, тем более в дряхлом драндулете. Не зря жители Перегрин-Айленда разъезжали по острову во внедорожниках.

«Не гони, — посоветовал еще один мужской голос из чемодана на заднем сиденье. — Тише едешь, дальше будешь». — Питер, кукла-герой, рыцарь в сверкающих доспехах, всегда стремился подставить плечо, ободрить и утешить. В отличие от бывшего друга Энни, актера и горе-любовника, который только и знал, что язвил, а ободрял лишь самого себя.

Энни остановила машину, затем начала медленно спускаться с холма. На середине склона все и случилось.

Видение возникло из ниоткуда.

Одетый в черное всадник на рослом вороном коне пересек дорогу у подножия холма. Энни всегда отличалась живым воображением (свидетельство тому — ее нескончаемые внутренние диалоги с куклами). Разумеется, она решила, что

конник ей пригрезился. Однако черная фигура оказалась вполне реальной. Верховой мчался сквозь метель, пригнувшись к развевающейся гриве лошади. Адские создания — лошадь-призрак и безумный наездник, летящие в белую тьму.

Всадник исчез так же быстро, как и появился, однако нога Энни машинально нажала на тормоз, и машина начала скользить. Ее развернуло поперек дороги, швырнув к обочине. Автомобиль накренился, съехав в забитую снегом канаву, и увяз в сугробе.

«Ты просто законченная неудачница», — ехидно усмехнулся злодей Лео.

Глаза Энни наполнились слезами. Она чувствовала себя измотанной, руки у нее тряслись. Проскакал ли всадник в самом деле, или ей это только почудилось? Ну же, соберись, скомандовала она себе. Включив заднюю скорость, Энни попыталась выбраться из рытвины, но машина забуксовала, колеса еще глубже завязли в снегу. Девушка бессильно откинулась на спинку сиденья. Если сидеть и ждать, кто-нибудь непременно ее найдет. Вот только когда? Дорога вела к усадьбе и коттеджу, другого жилья поблизости не было.

Энни попробовала собраться с мыслями. На острове о ее приезде знал лишь один человек, тот, что присматривал за Харп-Хаусом и коттеджем. Однако все переговоры с ним она вела по электронной почте. Энни написала, что приезжает, попросив включить в домике воду и электричество. Но даже будь у нее телефон Уилла Шоу (так звали смотрителя), едва ли ей удалось бы дозвониться до него из этой глуши, да еще в снегопад.

«Ты безнадежна». — Лео никогда не разговаривал обычным голосом. Он лишь презрительно цедил слова.

Энни вытянула бумажный носовой платок из смятой пачки, но вместо того чтобы ломать голову над своей проблемой, задумалась о лошади и всаднике. Каким психом надо быть, чтобы выгнать животное из теплой конюшни в такую погоду? Энни зажмурилась, борясь с подступившей тошнотой. Ах, если бы можно было свернуться калачиком и заснуть. Неужели так страшно признать, что жизнь взяла над тобой верх?

«Прекрати сейчас же», — приказала рассудительная Ми-лашка.

В голове у Энни словно гудел тяжелый колокол. Нужно найти Шоу и попросить его вытащить машину.

«Обойдемся без Шоу, — заявил бесстрашный герой Питер. — Я сам справлюсь».

Но Питер, как и бывший приятель Энни, успешно преодолевал лишь воображаемые трудности.

До коттеджа оставалось около мили — левое расстояние для здоровой женщины в хорошую погоду. Но погода выдалась ужасная, а со здоровьем у Энни дело обстояло еще хуже.

«Сдавайся, — злорадно прошипел Лео. — Признай, ты сама этого хочешь».

«Не будь скотиной, Лео», — послышался голос Плutowки, лучшей подруги Милашки, второго «я» Энни. Плutowка часто оказывалась виновницей всевозможных передраг, в которые попадали куклы, и неприятности всегда приходилось разгребать главным героям — Милашке и Питеру. Однако, несмотря ни на что, Энни любила ее за храбрость и доброе, щедрое сердце. «Возьми себя в руки, — скомандовала Плutowка. — Вылезай из машины».

Энни хотела было послать ее ко всем чертям, но сдержалась. Что толку кипятииться? Заправив непокорную копну волос под воротник куртки, она застегнула молнию. Одна из вязаных перчаток порвалась на большем пальце, ледяная ручка двери обожгла кожу сквозь дыру. И все же Энни заставила себя открыть дверь.

Яростный морозный ветер ударил в лицо, и у нее перехватило дыхание. Ноги не слушались, пришлось сделать над собой усилие, чтобы выбраться из машины. Видавшие виды коричневые замшевые ботинки, отнюдь не предназначенные для проселочных дорог, мгновенно утонули в снегу, а тонкие джинсы не спасали от холода. Сгорбившись, пригнув голову в тщетной попытке защититься от ветра, Энни обошла автомобиль, чтобы достать теплое пальто, но большой чемодан на крыше машины воткнулся в сугроб на склоне холма и застрял. Она не смогла его открыть, сколько ни пыталась. Впрочем, это ее ничуть не удивило. Слишком уж давно все у нее шло наперекосяк, Энни успела забыть, что такое удача.

Она вернулась к месту водителя. Куклы могли бы провести ночь в машине, рассудила она, ничего с ними не сделается. А вдруг сделается? Куклы — все, что у нее осталось, потеряв их, она пропадет.

«Ну, ты еще поплачь, жалкое ничтожество, — презрительно фыркнул Лео. Энни захотелось оторвать ему голову. — Детка... я нужен тебе больше, чем ты мне, — с издевкой

напомнил он. — Без меня ты не сможешь давать представления».

Энни отмахнулась от него. Тяжело дыша, она вытащила из машины чемоданы, сунула в карман ключи, выключила фары и захлопнула дверцу.

Ее мгновенно окутала густая тьма, а вьюга, казалось, завывала еще громче. Энни почувствовала, как в грудь заползает страх.

«Я тебя спасу!» — пообещал Питер.

Энни крепче стиснула ручки чемоданов, стараясь не поддаваться панике.

«Я ничего не вижу! — завизжала Пышка. — Ненавижу темноту!»

Старенький мобильник Энни давал слишком слабую подсветку, но у нее было кое-что другое... Поставив чемодан в снег, она поискала в кармане ключи от машины. К кольцу крепился крошечный фонарик-брелок. Энни уже не помнила, когда включала его в последний раз, и сомневалась, работает ли он. Чувствуя, как сердце колотится где-то у горла, она нажала кнопку.

Тоненький ярко-синий луч прорезал темноту, высветив в снегу тропинку, такую узкую, что можно было запросто сбиться с пути.

«Возьми себя в руки», — приказала Плутовка.

«Лучше сразу сдаться», — пренебрежительно хмыкнул Лео.

Энни двинулась вперед, утопая в снегу. Ветер продувал насквозь тонкую куртку, трепал волосы, бросая в лицо кудрявые пряди. Снег набился за воротник, и Энни снова одолел кашель. Боль железным обручем сдавила ребра, тяжелые чемоданы били по ногам. Довольно скоро пришлось поставить их на землю, чтобы руки немного отдохнули.

Энни съежилась, втянула голову в плечи, пытаясь защитить легкие от ледяного ветра. Пальцы оковенели от холода, но она поплелась дальше. А куклы все болтали, не давая ей покоя.

«Если ты меня уронишь и порвешь мое лиловое платье с блестками, я подам на тебя в суд!» — верещала Пышка.

«Я всех храбрее! И всех сильнее! Я вытащу тебя из этой переделки», — хвастался Питер.

«Ты хоть что-нибудь способна сделать по-человечески?» — язвительно осведомился Лео.

«Не слушай Лео, — вмешалась Милашка. — Знай себе шагай. Мы дойдем».

«Заходит как-то в бар женщина, волоча за собой чемодан...» — подала голос Плутовка, бестолковая копия Энни.

Сосульки повисли на ресницах, мешая вглядываться в белесую снежную мглу. Ветер рвал чемоданы из одеревеневших пальцев. Слишком большие, слишком тяжелые, они оттягивали руки, словно свинцовые гири. Глупо было брать их с собой. Чертовски глупо. Непростительно глупо. Но Энни не могла оставить своих кукол.

Каждый шаг давался ей все с большим трудом, казалось, позади уже не один десяток миль. Никогда в жизни она не чувствовала такого мертвящего холода. Успев на грузовой паром, отходивший на остров, Энни решила было, что ее невезение наконец закончилось. Паром появлялся здесь нечасто. В остальное время с внешним миром местных жителей связывало небольшое суденышко, служившее когда-то для ловли омаров. Оно курсировало между островом и Большой землей, доставляя раз в неделю на Перегрин-Айленд почту, продукты и товары. Оказавшись на пароме, Энни приободрилась. Но чем дальше отходил паром от побережья Мэна, тем яростнее бушевала буря.

Энни устало тащилась вперед, тяжело волоча ноги по снегу. Руки ломило от боли, легкие саднило, она сдерживалась из последних сил, чтобы не согнуться в новом приступе мучительного кашля. Ну почему она спрятала пальто в большой чемодан, вместо того чтобы оставить его в салоне машины? Отчего она вечно все делает не так? Нет чтобы найти наконец постоянную работу. Перестать сорить деньгами. Встречаться только с достойными мужчинами.

Прошло немало времени, с тех пор как Энни была на острове в последний раз. Раньше дорога заканчивалась развилкой. В одну сторону вела тропинка к коттеджу, в другую — к Харп-Хаусу. Но что, если Энни ее не заметила и прошла мимо? За минувшие годы многое могло измениться.

Она пошатнулась и рухнула на колени. Ключи выскользнули у нее из пальцев, фонарик погас. Энни вцепилась в чемодан, ища опоры. Она продрогла до костей. Легкие горели огнем. Хватая ртом воздух, она принялась лихорадочно шарить рукой в снегу. Если фонарик не найдется...

Пальцы онемели от холода, и Энни едва не упустила брелок. Когда наконец она сжала его в руке и включила, то уви-

дела кучку деревьев, которая всегда стояла вблизи развилки. Луч скользнул вправо, высветив большую гранитную глыбу, здесь дорога разветвлялась надвое. Энни заставила себя встать на ноги, подняла чемоданы и, спотыкаясь, побрела сквозь снежные заносы.

Облегчение, охватившее ее, когда удалось отыскать развилку, вскоре улетучилось. За многие столетия суровые бури оголили побережье, выстояли лишь самые могучие и крепкие ели. На мерзлой открытой равнине свирепый ветер с океана обрушился на Энни, норовя вырвать из рук чемоданы, трепля их, как паруса. Каким-то чудом ей удалось не выпустить драгоценную ношу, повернувшись к ветру спиной. Увязая в снегу, еле таща чемоданы с куклами, она ковыляла по высоким сугробам, хотя больше всего ей хотелось лечь и уснуть, покориться холоду, признав себя побежденной.

Она так низко склонилась, защищаясь от ветра, что едва не прошла мимо дома. Энни заметила Мунрейкер-Коттедж, лишь когда задела чемоданом облепленный снегом стену.

Маленький домик, сложенный из серого камня, под толщей снега казался бесформенной белой глыбой. Ни расчищенной дорожки, ни приветливо горящих окон. Когда Энни видела дом в последний раз, дверь была клюквенно-красной, теперь ее покрасили в холодный иссиня-фиолетовый цвет. Под окном, занесенные снегом, лежали старые деревянные ловушки для амаров — напоминание о происхождении домика, служившего когда-то рыбацкой хижиной.

Энни кое-как доплелась до крыльца, опустила чемоданы на землю, поискала в кармане ключи и только тогда вспомнила, что островитяне редко запирали двери.

Дверь распахнулась, стоило потянуть за ручку. Энни с трудом втащила внутрь чемоданы и, из последних сил сражаясь с ветром, закрыла дверь. В груди у нее хрипело. Вконец истерзанная, она опустилась на чемодан, шумно, со всхлипами хватая ртом воздух.

Чуть отдышавшись, она почувствовала затхлый запах заледенелой комнаты. Прикрыв нос рукавом, Энни нашарила на стене выключатель. Кнопка щелкнула, но ничего не произошло. Или смотритель не получил ее имейл с просьбой включить генератор и затопить маленькую печурку, или оставил письмо без внимания. Онемевшие ноги и руки начали оттаивать, их пронзила пульсирующая боль. Энни сбросила покрытые снежной коркой перчатки на плетеный коврик воз-

ле двери, но не нашла в себе сил стряхнуть снег со спутанных волос. Джинсы намертво примерзли к ногам, стянуть их можно было, лишь сняв ботинки, а Энни так окоченела, что не могла даже думать об этом.

Но несмотря на смертельную усталость и отчаяние, она помнила, что должна достать кукол из задубевших на морозе чемоданов. Мама всегда держала возле двери разномастные светильники, Энни нащупала в темноте фонарь. До того как школам и библиотекам урезали финансирование, куклы приносили Энни более стабильный доход, нежели ее неудавшаяся актерская карьера или случайные подработки вроде выгуливания собак и раздачи напитков в закусочной «Кофе, кофе».

Трясаясь от холода, она помянула про себя недобрым словом бессовестного зрителя, который развлекался, катаясь верхом в бурю, вместо того чтобы заниматься своими прямыми обязанностями. Наверняка это Шоу проскакал на лошади у подножия холма. Кто же еще? Зимой эта часть острова оставалась необитаемой. Расстегнув молнии на чемоданах, Энни достала все пять кукол. Затем разложила их на диване, не снимая защитных пластиковых чехлов, и с фонарем в руке проковыляла по холодному как лед дощатому полу в глубину дома.

Внутри Мунрейкер-Коттедж несколько не напоминал традиционную для Новой Англии рыбацкую хижину. На всем — от наводящей ужас чаши из черепа какого-то мелкого зверька до вычурного золоченого комода в стиле Людовика XIV, на котором мать Энни вывела надпись «Забей болт» черной краской из баллончика — лежала печать эксцентричности, свойственной Марии. Энни предпочитала более уютную атмосферу в доме, но в лучшие дни ее матери, когда та задавала тон в мире моды, вдохновляла известных модельеров и служила музой целому поколению молодых художников, этот коттедж, как и квартира Марии в Манхэттене, не сходил со страниц самых престижных журналов, посвященных дизайну и интерьеру.

Но те дни давно миновали, в богемных кругах Манхэттена замелькали новые имена, появились свежие молодые лица, и о Марии все забыли. Богатые жители Нью-Йорка начали приглашать других дизайнеров, собирая коллекции произведений искусства, и Марии пришлось распродать понемногу все свои ценности, чтобы поддерживать привычный образ

жизни. К тому времени, как она заболела, все ее имущество ушло с молотка. Все, кроме загадочного «наследства» Энни, ожидавшегося владелицы в этом доме.

«Оно спрятано в коттедже. У тебя будет... куча денег...» — пообещала Мария за несколько часов до смерти. Но едва ли она сознавала, что говорит.

«Нет никакого наследства, — ехидно хохотнул Лео. — Твоя мать вечно фантазировала».

Возможно, если бы Энни проводила на острове больше времени, то знала бы, можно ли верить словам Марии, но она терпеть не могла это место и не показывалась здесь уже одиннадцать лет, с тех пор как ей исполнилось двадцать два.

Луч фонарика обежал спальню матери. Большая фотография в раме, изображающая изящную резную спинку кровати итальянской работы, служила спинкой двуспального ложа Марии. Два гобелена из вареной шерсти, купленных, похоже, на распродаже остатков в каком-нибудь магазине «Все для дома и сада», висели возле двери в гардеробную. Комната еще хранила знакомый запах матери — аромат малоизвестного японского мужского одеколона, стойвшего целое состояние, так трудно было его достать. Энни вдохнула тонкий аромат. Она хотела бы почувствовать скорбь, как всякая дочь, потерявшая мать чуть больше месяца назад. Но ощущала лишь безмерную усталость и опустошенность.

Энни отыскала алую шерстяную накидку матери и пару толстых вязаных носков, прежде чем снять с себя одежду. Навалив на кровать все одеяла, какие только смогла найти, она забралась под лежалые простыни, выключила фонарь и заснула.

Энни даже не надеялась, что сумеет снова согреться, но когда около двух часов ночи ее разбудил приступ надсадного кашля, она обливалась потом. Ребра болели, словно их раздробили кувалдой, голова раскалывалась, а горло горело, как обожженное. Вдобавок ужасно хотелось в туалет, а в доме без воды это серьезная проблема. Когда кашель наконец унялся, Энни выбралась из-под одеял. Кутаясь в алую накидку, она зажгла фонарь и, цепляясь за стены, чтобы не упасть, побрела в сторону ванной.

Свет фонарика она направила вниз и потому не могла видеть свое отражение в зеркале над старомодной раковиной. Впрочем, Энни хорошо знала, что увидела бы в нем. Длинное

бледное лицо, изнуренное болезнью. Острый подбородок, большие ореховые глаза и буйную гриву кудрявых светло-каштановых волос, торчащих во все стороны. Такие лица нравятся детям, но большинство мужчин находит их не столько привлекательными, сколько необычными, своеобразными. Лицо и волосы достались Энни от неизвестного отца. «Он был женат и не хотел даже слышать о тебе. Теперь, слава богу, его уже нет в живых». Вот и все, что знала о нем Энни. Фигурой она пошла в Марию: высокая и тощая, с костлявыми запястьями и локтями, с большими ступнями, узкими ладонями и длинными пальцами.

«Чтобы стать актрисой и добиться успеха, нужно обладать или редкостной красотой, или ярким талантом, — говорила Мария. — Ты довольно хорошенькая, Антуанетта, и ты одаренный имитатор, но мы должны быть реалистами».

«На самом деле мать никогда тебя не поддерживала», — констатировала Милашка банальную истину.

«Я готов стоять за тебя горой, — тотчас заявил Питер. — Я всегда буду преданно заботиться о тебе и любить тебя».

Обычно романтические уверения Питера всегда вызывали у Энни улыбку, но нынче ночью она могла думать лишь о бесконечной пропасти, разделявшей мужчин, которых она выбирала, и вымышленных героев ее любимых романов. Такая же непроходимая бездна пролегла между ее реальной жизнью и той, что она себе воображала.

Несмотря на яростные возражения Марии, Энни получила диплом театральной школы и провела последующие десять лет, проходя бесконечные пробы. Она участвовала в показательных спектаклях и шоу, играла в любительских театрах и даже исполнила несколько характерных ролей в авангардных пьесах на сцене крошечного экспериментального театра. Не густо. Минувшим летом она взглянула наконец правде в глаза. Мария была права. Энни неплохо выступала в амплуа чревовещателя, но в актрисы не годилась. После десяти лет, потраченных впустую, она осталась ни с чем.

Найдя бутылку женьшеневой воды, каким-то чудом не превратившейся в лед, она сделала глоток. Горло тотчас обожгло болью. Взяв бутылку с собой, Энни вернулась в гостиную.

Мария покинула коттедж еще летом, незадолго до того, как у нее обнаружили рак, и с тех пор не возвращалась сюда, но пыли в комнатах скопилось не много. Должно быть, смо-

тритель все же выполнял часть своих обязанностей. Жаль, что он ограничился лишь малой долей.

Куклы лежали рядом на ярко-розовом викторианском диване. Куклы да выдавшая виды машина — вот и все, что у нее осталось.

«Не совсем», — напомнила Милашка.

Верно. Оставался еще неподъемный долг, висевший над Энни. Долг, скопившийся за последние полгода жизни Марии, когда дочь старалась исполнять малейшую прихоть матери.

«И добиться наконец от мамочки одобрения», — съязвил Лео.

Энни принялась освобождать своих актеров от пластиковых чехлов. Пять внушительных фигур в два с половиной фута длиной с вращающимися глазами, подвижными ртами и съемными ногами. Подняв Питера, она скользнула рукой к нему под рубашку.

«Как ты прекрасна, моя дорогая Милашка, — заговорил он чарующим густым басом. — Женщина моих грез».

«А ты лучший из мужчин, — мечтательно вздохнула Милашка. — Сильный и бесстрашный».

«Исключительно в воображении Энни, — возразила Плутровка с необычной для нее враждебностью. — Без нее ты такой же никчемный, как и остальные ее бывшие дружки».

«Этих дружков было всего двое, — урезонила подругу Милашка. — Не вымещай на Питере свою неприязнь к мужчинам. Уверена, это вышло случайно, но так ведут себя только задиры, а ты ведь знаешь, как мы обходимся с забияками».

В представлениях Энни куклы всегда спорили друг с дружкой, а в нескольких сюжетах центральным персонажем выступал задира. Усадив Питера на диван, она отодвинула Лео подальше, в самый угол.

«Ты по-прежнему меня боишься», — злорадно прошипел он.

Иногда Энни казалось, что куклы живут собственной жизнью. Кто знает, какие мысли бродят у них в головах?

Зябко кутаясь в алую накидку, она побрела к эркеру. Буря утихла, в небе тусклым фонарем светила ущербная луна. Энни окинула взглядом унылый зимний пейзаж: черные, будто нарисованные тушью силуэты елей, белые пятна заснеженных болот. Потом она подняла глаза.

Вдалеке темной грозной громадой высился Харп-Хаус. Стоя на самой вершине голого утеса, он будто парил в воздухе. В блеклом свете месяца проступали остроконечные крыши и мрачная башня, где горел желтоватый огонек — единственное освещенное окно на погруженном в тень фасаде. Эта картина напомнила Энни обложку старого готического романа в дешевом бумажном переплете. Они и сейчас изредка попадают в букинистических магазинах. Энни мгновенно представила босую героиню, в одном лишь прозрачном пеньюаре выбегающую из дома, битком набитого привидениями. Зловещая башня светится в ночи у нее за спиной, нагоняя ужас. Конечно, теперь подобные книги кажутся наивными в сравнении с современными, насыщенными эротикой историями о вампирах, вервольфах и оборотнях, но Энни они всегда нравились. Эти романы питали ее фантазии, помогали грезить наяву.

Над зубчатыми стенами Харп-Хауса неслись грозовые облака. Они мчались по ночному небу так же стремительно, как всадник на вороном коне, промелькнувший перед Энни на занесенной снегом дороге в мутной пелене метели. Кожа ее покрылась мурашками, но вовсе не от холода — разыгралось воображение. Отвернувшись от окна, Энни взглянула на Лео.

Глаза с тяжелыми веками... На тонких губах презрительная усмешка... Законченный злодей. Энни избежала бы многих разочарований, если б не ее буйная фантазия. Она окружала романтическим ореолом угрюмых, погруженных в себя мужчин, в которых влюблялась, воображая их героями, вместо того чтобы увидеть тех двоих в истинном свете и понять, что один из них мошенник, а другой самовлюбленный нарцисс. Что же до Лео, с ним все было иначе. Энни сама создала его из ткани и ниток. Она вертела им как хотела.

«Это тебе только кажется», — прошептал он.

Поежившись, Энни вернулась в спальню. Но даже скользнув под грудку одеял, она не могла отделаться от мрачного видения дома на скале.

«Прошлой ночью мне снилось, что я вернулась в Мэндерли...»*

* Начальная строка романа Дафны Дюморье «Ребекка», 1938. —
Здесь и далее примечания переводчика.